

КУЛЬТУРА

Приезжайте к нам на Колыму

КОРИН МАРТИНОВ

КОРИН МАРТИНОВ

КОРИН МАРТИНОВ

>> стр. 1

КОРИН МАРТИНОВ

И мойщик действительно мойщик, и фуру он моет вполне по-настоящему, и двое водителей-дальнобойщиков, сменяющие друг друга за рулем, — настоящие дальнобойщики, и истории их наверняка подлинны. Для них немецкий театральный проект — один из рабочих маршрутов, заработок, наверное, немного странный. И 50 пассажиров фуры не зрители, а участники. На полтора часа они пассажиры, обитатели пространства, созданного авторами проекта. В этом пространстве все подлинно, все реально: и документальная съемка Колымы, и рассказы дальнобойщиков, и московский ландшафт. Но, накладывая друг на друга, колымские дороги на экране и дороги московской окраины за окном превращаются в новую реальность, одновременно и полностью документальную, и полностью вымышленную. Пассажиры фуры на полтора часа оказываются буквально «нигде», а после спектакля еще долго разглядывают не слишком живописную реальность московской окраины как нечто необыкновенное. На некоторое время все: от вывесок на киосках до музыки из автомобиля

на обочине — кажется частью сложно организованной постановки. Именно эта смена оптики, позволяющая в любом городском ландшафте угадывать скрытый «театр нон-фикшн», — один из постоянных эффектов проектов группы «Rimini Protocol». А опыт отстраненного «театрального» переживания действительности — одна из естественных потребностей современного человека. Вероятно, поэтому проекты «Римини-протокола», которые поначалу были в России гостями театральных фестивалей, сегодня успешно существуют здесь как коммерческие и зрительские. «Cargo Moscow» — это уже вторая локализация, которую предпринял импресарио Федор Елютин (первой была «Remote Moscow»). А фестиваль-школа «Территория» в прошлом году спродюсировала появление русской версии «застольного» путешествия «В гостях. Европа». Кроме проектов-путешествий у «Римини-протокола» есть и совсем сложные проекты-бродилки, например блистательные «Situation Rooms» — может быть, в будущем дойдет очередь и до них.

ПЕРСОНА

«Когда я очутился в Германии, мне казалось, что я попал на тот свет»

>> стр. 1

К тому времени ко мне обратился корреспондент журнала Stern. Этот журналист приехал ко мне в деревню, жил неделю, и я ему среди прочего рассказал эпизод из своей жизни. Когда меня не приняли в Литературный институт потому, что посчитали мою сербскую фамилию еврейской, поскольку она кончается на «ич». Он написал в очерке, что меня не приняли в институт потому, что я еврей. И с тех пор уже обо мне стали писать так: «Владимир Войнович — простой таджикский рабочий, отягченный еврейской фамилией», вынужден был бежать из СССР». А надо сказать, что мои дальние сербские родственники с большим энтузиазмом восприняли мой приезд в Германию: надеялись со мной увидеться. И после этой публикации они с огорчением мне написали: «Мы, может быть, и родные вам по душе, но, к сожалению, очевидно, не родственники». И тогда уже мне пришлось объяснять им, что мы все-таки родственники, хотя мама у меня еврейка. При этом по паспорту и в душе я вообще-то всегда считал себя русским. А тут получалось так, что был русским, а теперь переменял национальность, потому что в современной Германии евреям предоставляются определенные льготы. (Смеется.)

— Юмор помогает вам в таких ситуациях, хотя, казалось бы, тут не до шуток.

— Я уехал из СССР по политическим причинам. А тут оказывается, что я «отягчен еврейской фамилией» и не «уехал», а именно «бежал из СССР». Мне приходилось знакомить людей со своей разветвленной родословной... Эта история имела еще одно продолжение. Когда мне исполнилось 60 лет, город Мюнхен решил отметить мой юбилей и устроил в мою честь вечер. В местной газете был такой анонс (на немецком): «Место, где звучит настоящая русская речь. Таджикский сатирик будет читать из своих произведений». Я прихожу, а там на каждом стуле разложены листки с моей биографией, и там опять написано, что «отягченный еврейской фамилией, он вынужден был бежать из Советского Союза». Я сильно ра-

КОРИН МАРТИНОВ

Владимир Войнович:
«Меня немцы обычно сравнивают с Ярославом Гашеком»

золился, попытался публичке что-то объяснить. Потом ко мне подошел журналист, говорит, что хочет взять у меня интервью. Я говорю: «Хорошо, но если вы снова напишите, что я „таджикский рабочий, отягченный еврейской фамилией“, я за себя не отвечаю». Нет, говорит он, я все напишу правильно. Вскоре действительно появилось интервью... Я рассказал корреспонденту, что родился в Таджикистане, но прожил там только восемь лет, а перед самой войной переехал в Украину, в город Запорожье. И вот он все правильно пишет о том, что я родился в Таджикистане, а дальше так: «Когда немцы напали на Советский Союз, он вынужден был бежать из Таджикистана на Украину». В общем, отношения с немецкой прессой у меня всегда складывались сложно. (Смеется.)

— Биография почти любого советского человека, родившегося до войны, выглядела примерно так,

это сложно объяснить постороннему... А что касается рецензий?

— «Чонкин» был принят очень хорошо и выдержал много изданий. Высоко оценивались критикой и другие мои книги. Но когда был переведен на немецкий мой роман «Москва 2042», в одной из важных газет, Frankfurter Allgemeine Zeitung, появилась критическая статья, она называлась «Спи спокойно, товарищ читатель». Там было написано, что роман очень плохой, скучный и неинтересный. А главное, писал автор, «писатель в романе осмелился бросить вызов самому Александру Зинovieву, который, как известно, написал великий роман „Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина“». Я ответил этому критику репликой «Проснись, товарищ критик», в которой объяснил, что, может быть, мой роман и плохой, но роман о солдате Чонкине написал все-таки я, а не Зиновьев. Из газеты я получил

ответ от заведующего отделом литературы: он писал, что с удовольствием поместит мою реплику, но только если я ее адресую не критику, а самой редакции. Я тогда еще плохо знал немецкий, не понял толком, чего от меня хотят, и махнул на это рукой.

— В общем, назрела необходимость учить немецкий язык. Вы стали его учить уже после того, как приехали в Германию?

— Специально я его не учил, честно говоря. У меня всегда были способности к языкам, но я их осваивал «со слуха». Говорил свободно по-украински, неплохо — по-польски, английский учил на одномесячных курсах. Немецкий казался мне слишком сложным, и я, честно говоря, был уверен, что его никогда не выучу. Но однажды в очередной раз уехал в Америку, потом вернулся в Германию, взял такси и по дороге о чем-то разговорился с таксистом. И вдруг понял, что я могу как-то изъясняться на немецком. Я тогда очень удивился и уже потом стал стараться, заглядывая в газеты, и как-то я дошел до определенного уровня, про который моя дочь — она, кстати, преподаватель немецкого языка — говорит, что он у меня «неплохой». Я много понимаю, говорю по-немецки, но поскольку у меня, как у всех иностранцев, проблемы с падежами, в каких-то случаях я продолжаю делать ошибки.

— Немецкий актер Ларс Айдингер, который, кстати, сыграл Николая II в российском фильме «Матильда», рассказал, что коллективное чувство вины у немцев распространяется даже на обыденную речь, язык. Например, слово «патриотизм» немцы стараются не употреблять, поскольку оно скомпрометировано в 1930-е годы. В России особенно заметно, что рефлексия внутри немецкого общества носит не показной, а глубокий характер. Как этот процесс происходил в Германии в 1980-е, в 1990-е?

— Когда я приехал в Германию, главное было уже позади. Исторический урок к тому времени уже был усвоен всеми слоями немецкого общества. Испытывать чувство стыда за то, что происходило в Германии в 1930-

1940-е годы, стало естественным не только для интеллигенции, но и для всех слоев общества. Оно столь глубоко, что немцы даже стесняются вспоминать свою историю. При этом мы прекрасно знаем, что Германии есть чем гордиться: великой культурой, философией, техническими достижениями. Но когда им хочется что-то рассказать об этом, они понимают, что невозможно говорить о культуре отдельно от истории, общества. И поэтому — я замечал много раз — немцы вообще предпочитают избегать любых разговоров о прошлом. Это отличает их от нас. Мы ведь тоже пережили тоталитарную травму, и в России есть люди, которые критически относятся к советскому прошлому, но при этом мы все-таки говорим о прошлом, даже любим его ругать. А вот в Германии предпочитают избегать этого разговора.

— По поводу правого реванша, партии AfD, что это за явление в немецком обществе? Откуда это вообще взялось, вы можете объяснить?

— Поскольку я бываю теперь в Мюнхене нечасто, я не имею полной информации. Но там живет моя дочь. На одной из центральных улиц Мюнхена — Леопольдштрассе — перед нашим домом регулярно появляются какие-то люди со столами и плакатами, в их числе и портрет Путина с собачкой на руках. Одно время они приветствовали победу Трампа, но потом, кажется, убрали его со своих плакатов. А Путин остался. Что касается ответа на ваш вопрос, я объясняю это так. Германия много лет старается демонстративно открытость и гуманность. Я знаю, например, немцев, которые добровольно едут в Израиль, работают там практически бесплатно в кибуцах, получая копейки: они так видят свой моральный долг. Чувство вины за прошлое сказывается на сегодняшнем отношении к иностранцам, особенно к беженцам. Германия принимает людей любых национальностей — тех, кто бежит от бед. Все эти люди пользуются гостеприимством Германии, им платят пособие. Но не все жители понимают, что Германия в своей миграционной полити-

ке руководствуется высшими принципами гуманности, человеколюбия. Из-за этого у части немецкого общества появляются опасения, что Германия больше заботится о приезжих, чем о собственных гражданах. Этим настроениям, конечно, способствует и уровень ксенофобии, увеличивающийся одновременно с ростом числа мигрантов. Поэтому и возникают все эти альтернативные движения. Хотя они и составляют пока меньшинство.

— Существует ли именно немецкий читатель Войновича, в чем его специфика? Как они понимают, например, «Чонкина» или «Москва 2042»?

— Мне трудно выделить именно немецких читателей... Лучше я расскажу вам, как к нам относились в Германии люди, может быть даже не читавшие моих книг. Когда я переехал в деревню, моя дочь Ольга пошла в первый класс местной школы. Ее учительница фрау Гербер ввела ее в класс и объявила: «Дети, эта девочка из России. Она не знает ни одного немецкого слова». Почему-то это объявление детям очень понравилось, и они все захотели с Олей дружить. А затем с нами пожелали познакомиться и их родители, самые разные. Среди них была семья местного фермера. И вот этот фермер в честь моей дочери решил назвать одну из своих коров Ольгой. Так, ему казалось, он может выразить свое уважение к нам. А Оля вскоре не только овладела немецким языком, но и превзошла в его знании большинство своих соучеников. В конце концов она стала немецкой писательницей, одно время очень успешной. Теперь пишет мало, но преподает немецкий язык.

— Способны ли немецкие литературоведы, интеллектуалы оценить ваш юмор, сатиру, с кем вас сравнивают?

— Меня немцы обычно сравнивают с Ярославом Гашеком, хотя я считаю это сравнение не совсем корректным. У Гашека Швейк — бравадный солдат, а Чонкин — совсем не бравадный. Но ставя в один ряд Швейку и Чонкина, они возводят моего персонажа в ранг народного героя. И даже размышляют о нем в философских категориях. Так что я им верю.